

ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, НАУКА, БРАЗОВАНИЕ

В разделе публикуются статьи о месте и роли культуры, науки и образования в мире и обществе; о взаимном влиянии теории и жизненной практики в истории человечества; о ценностных основаниях науки и образования; сущностных смыслах исследовательской деятельности.

Наука, гражданское общество и цивилизация создаётся практически одновременно в результате появления личностей, как главных субъектов деятельности. Уровень культурного развития зависит от числа образованных, свободных и ответственных перед истиной людей. Их усилиями и сверхусилиями творится история. Это основные идеи статьи, в которой автор — известный историк науки — обсуждает вопрос кто такой учёный в истории культуры, когда и благодаря чему он появился как личный и культурный феномен.

Н
а
у
к
а

и

О
Б
Щ
Е
С
Т
В
О

Кто такой учёный и когда он появился?*

Аксёнов Геннадий Петрович,

кандидат географических наук, старший научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
РАН им. С.И. Вавилова

Поскольку церковь взялась руководить всей жизнью целиком, она теперь ощущала потребность в науке. Для учения об искуплении требовалось рациональное доказательство существования Бога. Решающий вклад в него сделал архиепископ Ансельм Кентерберийский (1033–1109). В сочинении «Сиг Deus Homo?» он создал так называемую сатисфакционную теорию искупления, то есть соединил юстицию и богословие¹. Суть теории состояла в учении о жертве Христа, как о деянии Богочеловека. Ансельм писал, что первый человек своим первородным грехом отпал от Создателя, стал смертным и тем самым нарушил, похитил у Бога самое главное — замысел своего собственного спасения. Но каждое преступление должно быть возмещено, и размер возмещения должен превышать по-

хищенное. Однако сам человек, даже осознавая преступление, не может его исправить своими силами никак, он не может предложить в обмен на прощение даже нечто равное и потому, говорит Ансельм, в мире оставался неустрашимый беспорядок. Вот тогда и появляется Богочеловек, своей жертвой искупая главный порок человечества — отпадение от Создателя, рождение в перво-родном грехе. Важнейшее мировое событие уже произошло, и теперь каждый верующий получает возможность присоединиться к Спасителю. Сочинение Ансельма оказало громадное воздействие на образованные умы, хотя протестантство потом боролось с подобным рациональным пониманием Бога, разрабатывая учение об оправдании только верой.

Огромный вклад в богословие и сам термин *теология* внес Петр Абеляр (1079–1142) своим трудом «Sic et non», в котором разработал первые чисто рациональные методы работы со священными текстами путем поиска в них противоречий и разрешения их логическими приёмами, названными диалектикой. С греческой мыслью в виде некоторых диалогов Платона тогда были немного знакомы через Боэция. Теория Абеляра, получившая название *схоластика*, инициировала формирование научной мысли того времени. Все общие понятия анализировались по одному алгоритму: роду, предмету, виду, части, по средствам, задачам, целям, по автору и по тому, какое место оно занимает в науках. Схоластический метод анализа текстов святых Отцов состоял в формулировании *propositio* (положения), затем найденного противоречащего ему *oppositio* и нахождению путем логических доказательств *solutio* (решения).

Диалектика оказалась кстати для работы не только с Писанием и трудами Отцов церкви, но и с корпусом юридических документов — кодексом Юстиниана. Эта рукопись была обнаружена в 1080-е годы в одной из монастырских библиотек. Кодекс Юстиниана был приравнен к творениям Отцов церкви. Монах Ирнерий (1060–1125) составил *гlossарий* для изучения кодекса, а Грациан Болонский синтезировал учение Ансельма и метод Абеляра в сочинении «Согласование противоречивых канонов» (1140), использовавшемся в университетах как учебник *канонического права* вплоть до XX в. Грациан впервые установил, что *jus* (право) является родом, а *lex* (закон) — его видом и мог теперь чётко разделить право на подразделения: уголовное, гражданское и т.п.

Так церковь внедрила в жизнь идею *права*, исходя из идеи высшей справедливости. «Доктрина искупления придала универсальную значимость человеческому правосудию, — утверждает философ и историк права Г. Берман, — связав налагаемое судом наказание за нарушение закона с природой и предназначением человека, его поиском спасения, его нравственной свободой и его миссией создать на земле общество, отражающее божественную волю»². (10)

Ансельм Кентерберийский
(1033–1109)

*

Окончание. Начало: ИРШ.
2005. №4. С. __-__.

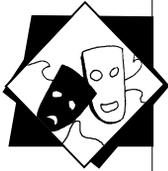
1

Ансельм Кентерберийский.
Почему Бог стал человеком?// Искупление. Материалы Второго международного симпозиума христианских философов. СПб., 1999.
С. 19–133.

2

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: Пер. с англ. М., 1994.
С. 182; Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.

7

Петр Абеляр
(1079–1142)

В 1088 году Ирнерий, а за ним и другие *гlossаторы* стали преподавать право в Болонье. Быстро набралось достаточное количество студентов, объединившихся в *университас* — корпорацию для обучения. Она действовала как юридическое лицо для заключения договоров с городским советом и с профессорами и как судебный орган по делам студентов. Городу был выгоден приезд тысяч достаточно обеспеченных молодых людей. Они объединялись в землячества вначале по странам, число их доходило до 20, а потом в два: южное и северное, но язык обучения был один — латинский. Так образовался первый в Европе Болонский университет, затем появились университеты в Оксфорде, Саламанке, Париже и других всем ныне известных центрах. Через некоторое время власть в университетах естественным образом перешла от студентов к профессорам, корпорации стали *коллегиями*, оставаясь самоуправляемыми. Университеты разделялись на факультеты теологический и юридический, к которым скоро прибавился медицинский.

Современный автор Р. Сазерленд пишет о книге Грациана: «Под непритязательной обложкой учебного пособия мы обнаруживаем живые свидетельства интеллектуальной жизни тех времён. Во многих отношениях то была довольно скучная интеллектуальная жизнь: малозначительные мыслители с помощью слабеньких диалектических отмычек намеревались вскрыть все сейфы в теологическом мире³. Но так свысока хорошо рассуждать сейчас. А тогда однообразный метод рассуждений (который через века подвергся сокрушительной критике) принципиально, не по степени, а на порядки был выше обычной грамотности, арифметических, астрономических знаний, музыкального умения, полученных в школе, в рамках *тривиума* и *квадривиума*. Первые *гlossаторы* и схоласты создали пусть и простые, но *инструменты* познания своим разделением понятий на роды, виды, принципы и т.п. приёмы классификации. Они построили систему знаний, а не их механический свод. Обучившись ей, с помощью этих инструментов стало возможно прибавлять знания, то есть заниматься собственно учёным трудом, исследованием текстов и фактов из жизни. Уже не одинокие гении, а любой способный и умный человек мог овладеть этими «отмычками» и наращивать корпус знаний. Тем самым создавалась учёная среда, достаточно много людей, диалектически мыслящих и занимающихся исследованиями. Все они исповедовали метод формулирования гипотез и способы их доказательства без привлечения иррациональных аргументов.

То, что теология и правоведение и по форме и по существу являются науками, и по сей день оспаривается. В отношении первой современный учёный мир не достиг консенсуса, голоса разделились примерно пополам. Однако и те, кто не считает теологию наукой, не смогут отрицать, что её рациональные приёмы для изучения текстов в своём развитии породили веер дисциплин: лите-

Болонский университет

3

Цит. по: Брук К. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992. С. 140.

8

ратуроведение, археографию, классическую филологию, лингвистику и десятки других теперь уже почтенных наук.

Что касается правоведения как науки, то она возникла как метод изучения римского права и его действия в реальной жизни. В самом античном Риме науки правоведения не было и быть не могло. Римские юристы не были учёными, но практиками и консультантами. И само римское право не содержало ни одной нормы, ни одного общего принципа. Не допускались никакие общие понятия о справедливости, которые, как все помнят, активно развивались в греческой философии. Юристы и преторы были озабочены скрупулезностью процедуры и предельной конкретностью при ведении дел. В кодексе Юстиниана такие дела и описывались, хотя в период упадка Римской империи уже были попытки обобщения, возникли *максимы*, т.е. большие понятия. Но отнести их к науке ещё нельзя, из них юридические нормы предстояло ещё составить.

Теперь, на новом этапе, правоведение изучало эту единственно рациональную систему суда, законодательной деятельности, правила составления договоров между людьми и корпорациями. Как положительное знание, она исследовала не только тексты, но и определённую созданную людьми область деловой, гражданской, судебной практики. Именно только теперь, через пятьсот лет после падения Рима, греческая и римская учёность соединились, были созданы юридические нормы, приёмы классификации дел, общие научные понятия и развитая терминология. «Схоластическая работа применения греческой философии к римскому праву состояла в том, что теперь можно было проверить значение правильной нормы и доказать её справедливость путем её органического единства с принципами и понятиями права, систематизированного как целое»⁴. Произошел сложный синтез религиозного сознания, философии и правоприменительной практики.

Теология и юриспруденция стали первыми науками, активно внедрившимися в жизнь людей и изменявшими её. Римское право теперь приходило на смену племенным судебным обычаям, выражённым в лучшем случае в писаных племенных «Правдах» (Салической, например), улучшало обычное право, законодательство светских властей, формировало практику договоров между юридическими лицами. Освященное авторитетом церкви, право стало главенствовать в европейской жизни. Отныне любой князь и король не только, как провозгласил Григорий VII, управлял от имени церкви в её высших целях, но он вынужден был издавать только те законы, которые согласовывались с римским правом. Это привело к громадным последствиям в государственной жизни, прежде всего к *различению права и закона*. Не всякое отданное правителем распоряжение, пусть даже и в письменной форме, отныне стало считаться законом. Этого высокого названия заслуживал только тот документ, который соответствовал духу права, которое в свою очередь отражало божественную правду. Последнее в юриспруден-

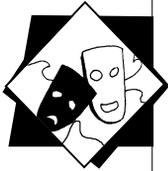

Монах на краю света.

Средневековая миниатюра.

4

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: Пер. с англ. М., 1994. С. 153.

ции стало называться *естественным правом*, и через него в понятие управления вошла идея справедливой власти, возник идеал правового государства, в отличие от природного или традиционного, основанного на праве сильного. С тех пор мир стал медленно двигаться к этому идеалу, был задан вектор развития.

По первоначальному замыслу юстиция стала определённой процедурой исправления земных несправедливостей с помощью небесной истины. Но в самой процедуре не содержалось ничего мистического или сверхъестественного, не допускались ссылки на мнения и авторитеты, а утверждаемые участниками судебного состязания предположения (гипотезы) должны были быть доказаны. В процессе участвовали четыре стороны: ведущий его и выносивший решение судья, поддерживающий обвинение юрист, адвокат и свидетели. Уже в XII в. были разработаны нормы исключения доказательств: 1 — избыточных, 2 — не относящихся к делу, 3 — неопределённых, 4 — чрезмерно общих, 5 — противных природе — в которые нельзя поверить⁵.

С исключительной быстротой были созданы новые системы права, не только канонического, но административного, феодального (письменные договоры между сюзереном и вассалом, чего не было в других феодальных странах — Японии и России, например), городского, манориального, торгового, морского. Отныне взаимоотношения сторон по правильному юридическому договору стали уважаемой нормой европейской жизни, начиная от семейной сферы и кончая международной. *Таким образом, имея в уме идеальную цель создания Царствия Небесного, церковь с помощью науки того времени в реальности создала совсем другое — новую область жизни, которой не существовало в других частях света.* Сам европейский *вольный* город стал детищем науки, потому что его статус был изначально определён письменным договором между горожанами, юридически гарантированного правителем и составленного теологом и правоведом.

Вскоре европейские хроники того времени зачастили свидетельствами о появлении *новых людей*. Повсюду ворчали на засилье этих грамотеев и крючкотворов. Но без них жить стало нельзя. Они заполнили администрации городов, светские суды, епископские капитулы, дворы властей Европы. Без дипломатов стало невозможно обойтись при составлении международных договоров, без нотариусов — при оформлении сделок. Образовались сферы, в которых могли работать только университетски образованные люди. Недаром в английском языке выражение *the learned professions* с тех пор и до сего дня относится только к теологии, праву и медицине. *Профессионалом* считается только адвокат, богослов и врач, остальное образование даёт узких специалистов.

Так в течение 1100–1150 гг. была создана профессиональная наука, сохраняющая свои сущностные принципиальные черты неизменными с того времени и до наших дней. Её важнейшими при-

Альбрехт Дюрер. Рыцарь.

5

Там же. С. 156.

10

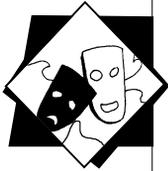
знаками являются: 1 — общие понятия и принципы, выведённые из фактов, то есть изобретенные принципы теоретизации, позволявшие классифицировать феномены и изучать их; 2 — материальное воплощение теории — учебники; 3 — появление класса профессиональных учёных — докторов теологии и права и профессиональных преподавателей; 4 — их организация в независимую корпорацию — университет с общей идейной основой. Введены приёмы работы: лекции и самостоятельные занятия студентов под руководством профессора, публичные диспуты, разработана процедура защиты учёных степеней, тоже не изменившаяся с тех пор. Возник этос учёного, в который обязательно входит любовь к истине, честность и бескорыстие, организованный скептицизм, понимание относительности научных достижений.

Европейское человечество, вооруженное новыми инструментами ума, с этого времени становится лидером научного описания и освоения действительности. Обладая встроенным элементом развития, Европа начинает покорять пространство и время. Только теперь, через сотни и сотни лет, начинается постижение истории и предшествующего знания, переводы Платона, Аристотеля, усвоение арабских, еврейских, индийских, китайских учёных достижений. Все эти древние и открываемые новые современные знания укладывались в систему, анализировались, понимались и находили место в общем строе науки. Обычно историки указывают на эпоху Возрождения как период освоения античного знания и искусства, с которого якобы началась новая история гуманизма. Но одной грамотности для освоения античного наследия было бы недостаточно. Только учёные схоласты и философы могли понять, что означают древние сочинения, каков их смысл и каково их место в человеческом познании. И отныне все остальные страны могли только присоединяться к европейской науке, которая стала единой, общепонятной без различия местных культур и, следовательно, общечеловеческой. Так в начале XVIII в. к ней присоединились усилиями своих императоров Россия и Япония.

Надо сказать, что католическая церковь не удержалась на высоте своего положения, провозглашённого Григорием VII. Со временем она погрязла в коррупции, в индульгенциях, стала насильственно искоренять ереси, естественно возникшие вследствие небывалой чумы XIV века. Само папство доходило до морального разложения. Ответом на него был взрыв горячей народной веры и профессорская Реформация: и Лютер, и Кальвин были и теологами, и правоведами. Развитие учения и дальнейшая сложнейшая духовная история, пережитая Европой во времена Возрождения и Просвещения с его секуляризацией науки — все великие этапы развития цивилизации в Европе базировались на фундаменте папской революции XII в. Пришествия самой личности как таковой, которой не существовало ни в античности, ни в первое тысячелетие новой эры, уже нельзя было отменить.

Альбрехт Дюрер.
Меланхолия.

* * *

Появление индивидуализма современного типа, то, что мы называем здесь личностью, ранее, начиная с литературы XVIII в., и теперь ещё по традиции часто относят только к эпохе Возрождения. Но сегодня уже есть большая литература, относящая перелом в формировании личности к европейскому XII веку⁶. Автор данной монографии — оксфордский профессор — приводит множество доказательств возникновения личностного самосознания (называемой выше культурой греха). К ним относятся такие новые явления, как автобиографии, портреты, искусство, прежде всего новая архитектура, названная через два века готикой. Множатся письменные размышления о человеке. Возникает поэзия идеальной, рыцарской любви, сочинения о дружбе. Причинами роста самосознания человека, прежде всего образованного, стала сама изменившаяся вера, личный её характер. Обращение церкви к каждому конкретному человеку возвысило личность и содержащаяся в Писании возможность индивидуальной веры теперь поддерживалась общественными условиями. Этому способствовал переход от сознания греха как общего первородного к греху индивидуальному. Начали меняться нравственные устои. Людей объединяла теперь не мораль давления с целью сохранения единства этнической или государственной общности, а мораль стремления, как называет её А. Бергсон, в которой внутренние побудительные мотивы нравственного поведения вышли на первый план⁷.

Ясно, что для самостоятельной и самодеятельной личности необходимо и достаточно трёх главных нераздельно и неслиянно существующих свойств. Во-первых, человек должен быть высоко образованным. Во-вторых, он должен быть нравственно ориентированным человеком, основывать свою мораль или на религиозном основании, или — в последующие века — на гуманизме и вере в человека. Но самое главное свойство личности, в-третьих, — понятие о самоактуализации, разработанное в середине XX в. психологом А. Маслоу⁸.

Все эти свойства, конечно, можно отнести к образованным и высоконравственным людям того времени — монахам. Однако, можно с полным основанием сделать вывод, что наиболее развитой личностью того времени обладали и учёные — поставщики *новых людей* для Европы. Заниматься наукой может не каждый, нужны известные врождённые качества. Осознать и развить их в себе, создать новое, небывалое ранее, то есть внести творческий вклад в знание, понять это как свою миссию, своё призвание, или свой долг, наложенный высшими силами, — все эти мотивы присущи учёному. Творческому человеку прежде всего свойственна реализация заложенных в нем способностей. Он вдумывается в себя, решает посвятить свою жизнь научным ценностям и для этого составляет определённую программу деятельности. Он сам управляет своей жизнью в соответствии с внутренними потребностями и талантами.

Империя Карла Великого.

6

Morris C. The Discovery of the Individual. L., 1972.

7

Бергсон А. Два источника морали и религии. Пер. с фр. М., Канон. 1994.

8

Маслоу А. Психология бытия. Пер. с англ. М.; Киев, 1997; Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. Пер. с англ. М., 1999.

В научной жизни с её организованным скептицизмом, как выяснилось позднее, нет великого и малого. Незначительная на первый взгляд, но оригинально сделанная работа иногда вызывает огромные следствия. Поэтому в ней важнее, как хорошо известно, *не что, а как*. Научные знания по самой своей сути общечеловечны и любое творческое решение в них касается всего человечества, хотя оно о том и не знает. В первых университетах был создан корпус систематического и методического знания и он сохранял своё единство и общезначимость для всех. Каждый овладевший ими становился учёным и должен был однажды осознать эту новую ступень своего развития.

Мотивация поведения и деятельность учёного противоположны целям и обычной морали закрытого общества, направленной на самосохранение, на подчинение правителям, на создание жёсткой иерархии в группах и коллективах. Самодисциплина учёного, вероятно, выше даже монашеской дисциплины, которая требует строгого подчинения авторитетам и церковному строю.

Для создания нового и небывалого ранее нужны были не только знания и вера в Бога, но и вера в себя и, следовательно, противостояние общепринятому мнению и очевидным выводам. Такая личность следует своим путем личной веры в Истину, личного понимания Бога и чаще всего это понимание не совпадает с мнением большинства. Наступает много раз описанный в литературе и в мемуарах момент перехода в новое состояние, то, что А. Маслоу называет *тиковое переживание*. Ещё до публичного объявления о своём открытии или создании нового знания в душе учёного созревает интуитивное решение, причём в большой степени это решение моральное. Он мучительно решает нравственную проблему — имеет ли он право на своё высказывание?

Всегда ранее любых аргументов, ранее эксперимента, который в науке нового времени, в XVII в., стал решающим методом доказательства, у учёного возникает новое, нетривиальное решение проблемы, в которую он вдумывается. Это то, что называется гипотеза. Зачастую она настолько необычна, что в неё вначале надо поверить. Никаких доказательств ещё нет, их ещё предстоит создать и на создание их надо решиться, посвятить себя им без остатка. Здесь, в этот никому неведомый момент, невозможны никакие коллективные решения, человек остаётся один на один с целым миром — земным и небесным — и должен сам поверить в свою интуицию. В этот момент истина персонифицируется, она становится по евангельской модели *не что, а кто*, то есть она соединяется с жизнью учёного. Он чувствует, что она ему поручена. Отсюда возникает острейшая нравственная ответственность, причём не перед земными авторитетами или перед своей *референтной группой*, а перед другими, более высокими сущностями.

По сути дела, в этих одиноких размышлениях повторялась евангельская модель, так называемое *моление о чаше*, когда в ночь

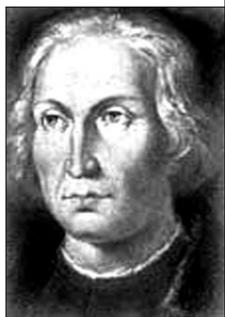
Принц Генрих
Мореплаватель
(1394–1460)

7

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1994. С. 171.

перед арестом Иисус в минуту великих нравственных мучений просил пронести её мимо, но склонился перед волей своего небесного Отца и укреплялся в принятии своего подвига. Конечно, не каждое решение для учёного означает такой предельный вариант, хотя, как показывает история науки, для отстаивания своих убеждений учёному требуется иногда не меньшее мужество, чем государственному деятелю. В любом случае ещё до открытия, в тайном акте принятия некой гипотезы, каждый в какой-то степени переживает свою *Гефсиманскую ночь*, предвидя, что его ожидают немалые испытания и решаясь на них. Именно тогда рождается новая личность, потому что она сама накладывает на себя эту ответственность. Из подобных переживаний и появились *учёные мужи* средневековья, суровые профессора в своих мантиях и париках. Они испытывали ответственность не за что-нибудь, но за развитие мира, который тогда, в религиозные времена, совпадал с человечеством, под ним не понималось, как в более поздние времена, материальная вселенная. Поэтому учёный своим деянием участвует в развитии цивилизации, зачастую вовсе не обязательно формулируя такую цель отчётливо.

Христофор Колумб
(1451–1506)

Высочайшую нравственную устойчивость демонстрирует главный герой того века Петр Абеляр. Его необыкновенная жизнь, наполненная бурным познанием, невероятной историей любви к Элоизе, его упорное отстаивание своего учения, сопротивление запрещавшим его церковным авторитетам, — все свидетельствует о небывалой цельности личности этого человека. Таких, как он, и сегодня немного. Он привлекал тысячи студентов, которые со всех сторон Европы стекались в приход св. Женевьевы в Париже, чтобы послушать божественного лектора. Он создал не только схоластику, но и описал свою жизнь в автобиографии под названием «История моих бедствий».

Только теперь, в XII в. появились такие свидетельства напряженной внутренней жизни учёных людей. Ранее, если не считать одинокого гиганта святого Августина Блаженного с его «Исповедью», их и не могло быть, потому что только теперь начинаются поиски призвания, рассуждения о выборе пути как следствие социальной мобильности. Олто из Сент-Еммермана в автобиографии описывает свой выбор, кем ему быть — монахом или учителем? И это зависело от решения предельного вопроса: «Долгое время я пребывал в мучениях, вызванных проникающими все мое существо сомнениями в достоверности Святого Писания, равно как не видя и никакой помощи от Господа. Мучимый искушениями, временами я обретал некоторые проблески в уме и некоторую надежду на спасение, но затем часами не мог отыскать какого-либо утешения в своей душе. Иногда я был прочно укоренен в доказательствах Святого Писания и успешно отражал атаки жала смерти оружием веры и надежды; но затем какой-нибудь случай снова повергал меня в смущение вплоть до полного помрачения

ума, и я всецело разуверивался в истинном благе Библии или в самом существовании всемогущего Бога. Если Ты в самом деле существуешь, Всемогущий, и если ты действительно повсюду присутствуешь, как читал я о том во многих книгах, я умоляю Тебя: избавь меня от грозящих мне опасностей и поскорее покажи Твоё присутствие и Твоё могущество, ибо я не смогу долго испытывать столь великие муки»⁹. Как этот личный диалог с Богом далёк от Платона с его теорией общества, где начальники назначают каждому его место!

С XII века европейские учёные начали поход за познание обитаемого и необитаемого мира, ими были созданы и карты, и геодезические инструменты, исходя из библейской космографии. Сегодня историки картографии, например, открывают великую роль монастырей в составлении карт. Но не знания сами по себе стали орудием покорения пространства, но в большей степени религиозная миссионерская цель приобщения всего населения открываемого мира к христианству и в перспективе — обретение миллениума. И через двести и триста лет религиозный импульс двигал великими географическими открытиями. Жизнь и деятельность Генриха Мореплавателя (1394–1460), и Христофора Колумба (1451–1506) есть ярчайший пример религиозного горения, сплавлявшегося с чисто научными знаниями своего времени.

Португальский принц Генрих, названный Мореплавателем, в молодости участвовал в войне с маврами и потом посвятил всю свою жизнь прокладыванию нового пути вокруг Африки для достижения Иерусалима. Исповедуя идеологию Крестовых походов против неверных, Генрих создал религиозный орден и Морскую Академию при нем, куда привлекал картографов и космографов, тем самым мощно двинув развитие этих наук. Мартин Бехайм в 1492 г. создал там первый, ещё доколумбовый глобус Земли. Снаряжаемые Генрихом корабли один за другим уходили к югу, открывая все новые и новые берега. При его жизни был открыт Гвинейский залив и достигнута 8-я параллель и выяснилось, что тропики обладают богатейшей растительностью и животным миром и даже населены, а ранее считалось, что они безжизненны, представляют собой раскалённую пустыню¹⁰. Заданный им вектор движения португальцев сохранялся и после его смерти. В 1487–88 гг. Бартоломеу Диаш открыл южную оконечность Африки, а затем Васко да Гама достиг Индии.

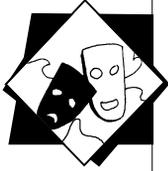
Малоизвестен факт, который становится красноречивым только в нашем контексте, что Христофор Колумб был женат на внучке одного из капитанов Генриха, открывшего острова Зелёного мыса. Судя по некоторым свидетельствам, Колумб сам побывал на них, возможно, тогда и оформилась его мечта. Но её осуществление, писал он позднее, было простым выполнением библейского пророчества о достижении миллениума, то есть тысячелетнего господства христианства на всей Земле. Он был глубоко убежден,

Исаак Ньютон
(1643–1727)

9
Morris C. The Discovery of the Individual. L., 1972. P. 81–82.

10
Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения. Лекция 9 // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988. С. 127–138.

Собор в Реймсе.
Заложен в 1211 г.,
закончен в конце XIII в.

11

Гайденко П.П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания // *Религиозно-философские истоки науки.* М., 1997. С. 44–87.

12

Дмитриев И.С. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб., 1999.

что именно ему свыше поручена миссия открытия западного пути к святым местам и освобождения томящихся в магометанском плену «христиан Индии» и с этой целью он был наделен Божьим даром — непревзойденным навигаторским талантом и научными знаниями. Эта убежденность Колумба стала тем моральным воодушевлением, которая позволила ему преодолеть грандиозные трудности организации экспедиции и плаваний.

И даже через пятьсот лет новая наука, а именно, естествознание XVII в., как доказательно утверждает философ науки П.П. Гайденко, создавалась не вопреки, а благодаря религии¹¹. Учёные вели борьбу, которую на все лады расписывала прежняя историография, с церковью, но отнюдь не с религиозным сознанием. Они отстаивали своё право на собственное видение природы Бога и мира, а отнюдь не на атеистическое мировоззрение. Сам великий Исаак Ньютон создал свою механику с целью понимания бытия Божьего, его плана относительно материального мира. Сегодня история науки начинает усиленно вникать в сложное мировоззрение творца закона всемирного тяготения¹². И.Ньютон тайно исповедовал унитаризм, не троичность Бога, исправлял религиозное предание, рассчитывал сроки второго пришествия Христа. Большую часть своей учёной работы он посвящал богословию и алхимии.

* * *

Таким образом, мы видим, что наука, гражданское общество и цивилизация создаётся практически одновременно. И не мистическим образом, и не в результате медленного постепенного анонимного народного развития, как оно представляется в популярном знании, а в результате появления личностей, как главных субъектов деятельности. Уровень развития всегда и везде зависел от числа образованных, свободных и ответственных перед истинной людей. Их усилиями и сверхусилиями творится история.